

Экономическая дипломатия Китая в XXI веке

© 2015

Я. Лексютина

В статье анализируется одно из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Китая в XXI в. — экономическая дипломатия, включающая в себя меры экономического поощрения и принуждения. Характеризуются усилия, предпринимаемые Пекином в целях создания сильной экономической зависимости стран мира от Китая. Раскрывается роль предоставления помощи Китаем в достижении его внешнеполитических целей.

Ключевые слова: Китай, экономическая дипломатия, иностранная помощь, экономическая зависимость, экономические санкции, внешняя политика Китая, «коренные интересы».

В XXI в. экономическая дипломатия, под которой понимается использование экономических инструментов и экономических возможностей государства в целях реализации его национальных интересов и достижения внешнеполитических целей, приобретает возрастающую роль в международной деятельности Китая. Найдя свое применение во внешнеполитической практике Пекина времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, с начала нового тысячелетия она вышла на принципиально иной уровень. Аккумулированная Китаем на рубеже XX—XXI вв. впечатляющая финансово-экономическая мощь существенно расширила рамки и масштабы использования рычагов экономической дипломатии.

Экономическая мощь Китая как в абсолютных величинах, так и относительно других субъектов мировой экономики велика, равно как и степень его вовлеченности в мирохозяйственные связи. Китай является крупнейшим в мире держателем золотовалютных резервов, насчитывавших в 2013 г. 3,8 трлн долл. С 2010 г. он занимает вторую позицию в мире по показателю общего ВВП. Согласно целому ряду экспертных оценок, у Китая есть весомые шансы в ближайшие 10–15 лет превзойти США, выйдя на уровень крупнейшей экономики мира.

По объему внешнеторгового оборота Китай обошел США еще в 2012 г., когда общий объем его торговли составил 3,87 трлн долл. против показателя США в 3,82 трлн¹. Сейчас Китай является ведущим торговым партнером более чем сотни стран мира, среди которых такие крупные государства, как Россия, Бразилия, Австралия, Индия и Казахстан. В наиболее динамично развивающемся регионе — Восточной Азии Китай по результатам 2013 г. занял место крупнейшего торгового партнера Японии, Южной Кореи, Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда и Монголии².

На фоне бурного развития торговли достижения Китая в сфере инвестиционной деятельности не столь впечатляющи: по объему накопленных прямых иностранных инвестиций он занимает ныне лишь 15-е место в мире³. Однако прослеживается устойчивая тенденция к быстрому увеличению китайских инвестиций за рубежом. Темпы наращивания Пекином зарубежных капиталовложений существенно интенсифицировались с

2004—2005 гг., когда он в полной мере развернул государственную стратегию «выхода вовне»⁴. Стремительно расширяются масштабы помощи, которую Китай предоставляет развивающимся странам: по некоторым оценкам, в 2013 г. он занял шестую строчку в рейтинге крупнейших мировых доноров.

Все это свидетельствует об огромном, неуклонно увеличивающемся экономическом потенциале КНР, который стал все активнее использоваться ее руководством для реализации национальных интересов. Таким образом, экономическая дипломатия, наряду с публичной дипломатией, становится наиболее предпочтительным инструментом достижения Пекином его внешнеполитических целей.

Меры поощрения и усиление экономической зависимости стран мира от Китая

Экономическую дипломатию принято рассматривать под углом двух различающихся по характеру применения экономической мощи векторов: экономического поощрения или вознаграждения («пряник») и принуждения или наказания («кнут»), чаще всего принимающего форму экономических санкций. При использовании экономической мощи как инструмента оказания влияния на страны мира Пекин полагается, в первую очередь, на методы поощрения, предпочитая их наказанию. Поощрение может осуществляться в форме широкого спектра разнообразных мер, направленных на стимулирование развития торговли со странами мира (например, создание специальных преференциальных режимов в торговле с зарубежными странами, крупные государственные закупки за рубежом), в виде расширения зарубежных капиталовложений и оказания иностранной помощи, включая содействие зарубежным странам в реализации крупных инфраструктурных проектов. Реализация Китаем подобного рода мер способствует не только укреплению торгово-экономических связей с соответствующим государством, но и налаживанию с ним политических отношений, а также улучшению международного имиджа Китая. В то время как экономические санкции носят реактивный, спорадический и, как правило, временный характер (санкции продолжаются до тех пор, пока не будет достигнут соответствующий эффект на страну-объект санкций или пока целесообразность их использования не исчерпает себя), методы поощрения носят устойчивый, долгосрочный характер. Конечной целью экономического поощрения является создание такой сильной экономической зависимости стран мира от Китая, которая усилит потенцию политического влияния Китая на них и тем самым облегчит Пекину реализацию его национальных интересов.

В стимулировании развития торговли со странами мира особая роль китайским руководством отводится заключению с ними соглашений о свободной торговле, созданию обширных субрегиональных и региональных зон свободной торговли, введению специальных программ торговых преференций. С 2003 г., когда Китай впервые обратился к преференциальным соглашениям как инструменту торговой политики, он заключил на сегодняшний день двусторонние преференциальные торговые соглашения с одиннадцатью странами и территориями: Гонконгом, Макао, Чили, Пакистаном, Новой Зеландией, Сингапуром, Перу, Коста-Рикой, Тайванем, Швейцарией и Исландией. Сейчас ведутся переговоры о заключении соглашений о свободной торговле с Южной Кореей, Австралией, Норвегией, Шри-Ланкой, а в многостороннем формате — с Японией и Южной Кореей, а также с Советом по сотрудничеству стран Персидского залива.

Заключение соглашений о свободной торговле, предусматривающих либерализацию торгового режима, способствует укреплению торгово-экономических отношений между Китаем и соответствующей страной (или странами), усилению между ними экономической взаимозависимости. При этом в случае, если масштаб экономики страны, с которой Пекин заключает соглашение, невелик, а доля КНР в товарообороте данной

страны становится существенной, то в конечном итоге устанавливается скорее не взаимозависимость, а сильная экономическая зависимость данного государства от Китая, что потенциально может давать ему рычаги воздействия на это государство.

При заключении преференциальных торговых соглашений Пекин в первую очередь руководствуется долгосрочными политико-стратегическими интересами, а не получением сиюминутных экономических выгод. Как правило, при заключении соглашений о свободной торговле Китай идет на большие уступки в вопросе либерализации торгового режима, чем его партнеры по соглашению.

Весьма ярким примером того, как используются Пекином преференциальные торговые соглашения с целью достижения важнейших политических задач, является подписанное в июне и вступившее в силу в сентябре 2010 г. Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Китаем и Тайванем. В рамках этого соглашения с 1 января 2011 г. в действие вступила рассчитанная на трехлетний период программа «Ранний урожай», предусматривавшая обязательства Китая по снижению таможенных тарифов вплоть до их полной отмены на 539 наименований тайваньской продукции и услуг, а также встречные обязательства Тайбэя, распространявшиеся на 268 видов китайских товаров. Это соглашение продолжило перечень мер, предпринимаемых Пекином с 2008 г. в целях расширения и углубления торгово-экономических отношений с Тайванем и создания сильной зависимости тайваньской экономики от КНР. Став еще в 2003 г. крупнейшим торговым партнером Тайваня, Китай продолжает постепенно наращивать товарооборот с островом: согласно китайской статистике, с 2010 по 2013 гг. он увеличился со 145 до 197 млрд долл.⁵ Расширяются и объемы китайских инвестиций на Тайване.

Протекающее с 2008 г. экономическое сближение двух сторон Тайваньского пролива уже принесло Пекину определенные политические дивиденды: стали проявляться некоторые изменения в линии поведения Тайбэя в вопросах, затрагивающих «коренные интересы» Китая. Так, в сентябре 2009 г., учитывая особую позицию китайских властей, Тайбэй отказал в выдаче визы уйгурской правозащитнице Р. Кадир, объявив ее персоной нон грата. В том же году президент Тайваня Ма Инцзю отказал в личной встрече далай-ламе в ходе посещения острова тибетским духовным лидером. В 2011 г. ведущая тайваньская телекоммуникационная компания «Zhonghua Telecom» продемонстрировала свои колебания в вопросе продления контракта с контролировавшимся запрещенной в Китае сектой «Фалуныгун» телевизионным каналом «New Tang Dynasty Asia Pacific», осуществлявшим трансляцию на материковую часть Китая и остров⁶.

Хотя эти легкие реверансы Тайбэя в сторону Китая воспринимаются китайским руководством положительно, за экономическим поощрением Китая стоит гораздо более важная задача — воссоединение двух берегов Тайваньского пролива, — над решением которой бьется уже пятое поколение китайских руководителей. С учетом значительного экономического усиления Китая привязка тайваньской экономики к китайской, создание устойчивой, всепроникающей экономической зависимости острова от материка стали основой стратегии осуществления важнейшей задачи возвращения Тайваня в лоно КНР. Именно на экономические, а не силовые рычаги современное китайское руководство делает ставку в решении тайваньской проблемы.

Если ключевым методом сближения с развитыми и развивающимися экономиками относительно высокого уровня Китай избрал заключение соглашений о свободной торговле, то наименее развитым странам Пекин в одностороннем порядке предоставляет преференциальные торговые режимы для поощрения их экспорта в Китай.

Так, в целях стимулирования африканского экспорта Пекин с 2005 г. приступил к внедрению беспопшлинного режима в отношении 190 категорий товаров из 25 наименее развитых африканских стран. К июлю 2010 г. нулевые таможенные пошлины были введены на более чем 4700 наименований африканских товаров. С 2005 по июль 2010 гг. в Китай поступила необлагаемая таможенными пошлинами африканская продукция на

сумму в 1,32 млрд долл.⁷ Китайские власти обязались постепенно довести долю освобожденной от таможенных пошлин африканской продукции до 95%⁸.

В ноябре 2011 г. в ходе саммита G20 председатель КНР Ху Цзиньтао обнародовал планы введения беспошлинного режима в отношении 97% облагаемых сборами товаров, импортируемых Китаем из наименее развитых стран, с которыми установлены официальные дипломатические отношения⁹.

В целях интенсификации двусторонних контактов и налаживания более тесных хозяйственных связей с островными странами Тихого океана Пекин в конце ноября 2014 г. объявил о намерении ввести для наименее развитых тихоокеанских государств нулевые таможенные пошлины на 97% ввозимых в Китай облагаемых налогами наименований товаров¹⁰.

Благодаря введению преференциальных торговых режимов, начиная с 2008 г. Китай прочно занял место крупнейшего экспортного рынка для наименее развитых стран мира: 23% всех экспортируемых этими странами товаров идет в Китай¹¹. Ввиду того, что расширение экспорта в Китай способствует укреплению экономик наименее развитых стран, осуществляемые Пекином меры получают высокую оценку в этих государствах, имидж Китая становится для них еще более привлекательным. Пекин же, предоставляя торговые преференции, не несет особых экономических потерь, а китайская продукция не испытывает серьезной конкуренции со стороны товаров, импортируемых из наименее развитых стран, в связи с их небольшими по сравнению с товарооборотом Китая объемами. Таким образом, ценой небольших усилий Китай расширяет масштабы своей международной поддержки среди наименее развитых стран.

В контексте расширения торгово-экономических связей и повышения своего регионального влияния Пекин придает огромное значение созданию субрегиональных и региональных зон свободной торговли. Первым таким опытом стала зона свободной торговли КНР — АСЕАН (КАФТА), охватившая 11 государств с населением около 1,9 млрд человек. В ноябре 2002 г. между Китаем и АСЕАН было подписано Рамочное соглашение по всеобъемлющему экономическому сотрудничеству, предусматривавшее создание зоны свободной торговли в 10-летний срок. В 2004 г. было заключено Соглашение по торговле товарами, а в 2007 г. — Соглашение по торговле услугами. Вступившее в силу 1 января 2010 г. соглашение о зоне свободной торговли КАФТА способствовало укреплению торгово-экономических отношений между Китаем и странами Ассоциации, усилению между ними взаимозависимости. Благодаря целенаправленной политике китайского руководства, масштаб торговли Китая со странами АСЕАН существенно увеличился, как по показателям валового товарооборота, так и доли Китая во всей внешней торговле АСЕАН. С 2003 по 2013 гг. товарооборот Китая и АСЕАН увеличился в шесть раз — с 59,6 до 350,5 млрд долл., а его удельный вес в торговле АСЕАН со странами мира возрос с 7,2% до 14%¹². С 2009 г. Китай неизменно остается крупнейшим торговым партнером АСЕАН. Китай также является ведущим экспортным рынком АСЕАН и источником импорта. Важным геополитическим результатом образования зоны свободной торговли КАФТА стало увеличение влияния Китая как в ЮВА, так и в Азии в целом¹³.

Опираясь на опыт, накопленный в ходе формирования КАФТА, и руководствуясь задачей создания китаецентричной модели экономической интеграции Восточной Азии (или даже всего АТР), Китай в последние годы интенсифицировал усилия по созданию обширной региональной зоны свободной торговли. Идея воссоздания азиатского аналога общих рынков ЕС или НАФТА получила развитие в Пекине в виде двух вариантов — учреждения Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (АСЕАН+6) и Зоны свободной торговли в АТР. Реализация этих идей позволит Китаю стать «архитектором» новых институтов и региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности, на которых будет базироваться будущая региональная экономическая система.

И, наконец, экономическая дипломатия современного Китая имеет глобальное измерение. После мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг., в результате перераспределения сил в глобальной экономической системе, превратившего Китай в ее ключевого игрока, Пекин усилил свое международное влияние путем расширения роли в системе международных финансов. В сотрудничестве с ведущими развивающимися странами-членами БРИКС Китай стремится увеличить свои квоты и право голоса в ключевых международных финансовых институтах (МВФ и Всемирном банке), усилить роль китайской национальной валюты в международных расчетах, создавать новые валютно-финансовые механизмы (пул валютных резервов и Банк развития БРИКС), которые позволили бы КНР в полной мере реализовывать свои интересы¹⁴.

Предоставление помощи как метод экономического поощрения

Предоставление помощи странам мира представляет собой один из важнейших инструментов внешней политики государства, позволяющий расширять его политическое и экономическое влияние в соответствующих странах и регионах мира. Оно призвано содействовать налаживанию экономических и политических отношений между государством-донором и государством-реципиентом, укреплению контактов между правящими элитами этих государств, формированию позитивного имиджа государства-донора в общественном сознании граждан государства-получателя помощи, а также повышению авторитета государства-донора в международном сообществе.

Благоприятные условия для масштабного использования Пекином помощи зарубежным странам в целях реализации внешнеполитических задач сложились к концу 1990-х гг., когда Китай стал демонстрировать впечатляющий экономический рост, позволивший его руководству расширить объемы и географию этой помощи. Резкое увеличение ее размеров стало наблюдаться с 2004 г., когда Китаем были накоплены значительные финансовые ресурсы, доступные для этих целей. Среднегодовые темпы прироста помощи в 2004—2009 гг. достигали порядка 29,4%¹⁵. Китай уверенно встал в ряды крупнейших мировых доноров. По оценкам исследовательского института Японского агентства по международному сотрудничеству (JICA Research Institute), за период с 2001 по 2013 гг. Китай поднялся с шестнадцатой на шестую позицию в рейтинге крупнейших доноров в мире, уступив лишь США, Великобритании, Германии, Японии и Франции¹⁶. Объем помощи, предоставленной Пекином, только за 2013 г., составил около 7,1 млрд долл.¹⁷

К 2010 г. в Пекине был завершен процесс переоценки роли помощи, которая была однозначно отнесена к важному инструменту экономической дипломатии и одному из наиболее приоритетных направлений внешнеполитической деятельности. Доказательством этого стало проведение китайским правительством в августе 2010 г. первой в истории КНР Национальной конференции по вопросам предоставления помощи, в ходе которой была дана оценка опыту Китая в этой сфере и определены пути усиления эффективности помощи. В 2011 г. была выпущена первая в истории Китая специализированная Белая книга по иностранной помощи, в которой прослеживалась история становления системы оказания помощи КНР с 1949 г. и подробно характеризовалась ситуация с ее предоставлением в 2004—2009 гг. Спустя три года, в 2014 г., была издана вторая Белая книга, резюмирующая достижения Китая в вопросе предоставления помощи странам мира в 2010—2012 гг.

Обнародование данных о масштабах китайской помощи зарубежным странам, имевших ранее исключительно закрытый характер и вызывавших множество спекуляций в экспертных кругах и СМИ Запада, подтверждало намерение китайского руководства способствовать международной легитимизации и институционализации оказываемой Пекином помощи, а также более глубокой интеграции Китая в современную международную систему. Предоставление помощи стало позиционироваться китайской стороной

как проявление ее ответственности в качестве великой державы, готовой оказывать содействие развивающимся и наименее развитым государствам. Находящийся в последнее десятилетие в фокусе критики западных государств за якобы «безответственное», неподобающее статусу великой державы международное поведение, Китай нашел возможность демонстрации повышения своей международной ответственности. Он усилил оказание помощи развивающимся странам в русле взаимодействия по линии Юг-Юг. За трехлетний период с 2010 по 2012 гг. Пекин предоставил помощь в объеме 14,41 млрд долл. 121 стране мира: 51 государству в Африке, 30 — в Азии, 19 — в Латинской Америке, 12 — в Европе и 9 — в Океании¹⁸. Ее крупнейшими получателями стали Африка и Азия, на которые в 2010—2012 гг. приходилось 51,8% и 30,5% соответственно. При этом предоставление помощи Африке и Азии используется Пекином в целях расширения своего влияния и реализации национальных интересов в этих регионах.

Помощь предоставляется Китаем, главным образом, на двусторонней основе в трех основных формах: гранты, беспроцентные и низкопроцентные кредиты (льготное кредитование). Наиболее распространенная форма — льготное кредитование (в 2010—2012 гг. на него пришлось 55,7% всей помощи), предполагающее предоставление китайским Экспортно-импортным банком кредитов на максимально благоприятных для заемщика условиях — под 2—3% годовых на срок от 15 до 20 лет. Такие кредиты, как правило, предоставляются для реализации крупных и средних по масштабу промышленных и инфраструктурных проектов, а также на закупку машинного и электронного оборудования и материалов. Например, на развитие транспортной инфраструктуры (железных дорог, автомагистралей, портов, метро, аэропортов, каналов, мостов и пр.), систем телекоммуникаций, на улучшение энергоснабжения (строительство ГЭС, термальных электростанций и пр.), на строительство нефтеочистительных заводов, прокладку нефтепроводов и т.п. Нередко низкопроцентные кредиты предоставляются странам, которые в связи со сложными отношениями с Западом лишены возможности или просто не желают обращаться за помощью к Всемирному банку или МВФ.

Гранты, в 2010—2012 гг. составившие 36,2% всей китайской помощи, предназначены на реализацию мелких и средних по своему масштабу социально ориентированных проектов, на финансирование сотрудничества в области развития человеческих ресурсов, технического сотрудничества, материальной и гуманитарной помощи. Грантовая помощь может предоставляться в виде списания долгов.

Наименьшую долю в структуре китайской помощи (в 2010—2012 гг. — только 8,1%) занимают беспроцентные кредиты, выделяемые преимущественно развивающимся странам с неплохой экономической ситуацией на строительство общественных учреждений и реализацию проектов, направленных на улучшение качества жизни людей. Такие кредиты выделяются на 20-летний срок, первые пять лет из которых отведены на использование, вторая пятилетка рассматривается в качестве льготного периода отсрочки платежей, а второе десятилетие рассчитано на возврат кредита.

Центральное место в китайской системе предоставления помощи зарубежным странам занимает реализация инфраструктурных проектов. Так, по сферам предназначения китайская помощь в 2010—2012 гг. была распределена следующим образом: содействие развитию экономической инфраструктуры — 44,8%, социальной и общественной инфраструктуры — 27,6%, предоставление товаров и материалов — 15%, сотрудничество по развитию человеческих ресурсов — 5,8%, содействие развитию промышленности и сельского хозяйства — 3,6% и 2% соответственно, гуманитарная помощь — 0,4%¹⁹.

Упор Пекина на реализацию инфраструктурных проектов объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, наличие развитой инфраструктуры, — что не характерно для большинства развивающихся стран — объективно облегчает экономическое проникновение Китая в эти регионы мира. Создание транспортно-логистической сети способствует, в частности, развитию торговли между Китаем и соответствующими государства-

ми, а совершенствование горнодобывающей инфраструктуры облегчает разработку природных ресурсов, идущих впоследствии на экспорт в Китай.

Во-вторых, осуществление инфраструктурных проектов помогает формировать благоприятный имидж Китая среди населения соответствующих стран и регионов. Так, Китай реализует критически важные для улучшения жизненных условий местного населения проекты по обеспечению водоснабжением, электроэнергией, дешевым жильем, а также меры в области повышения уровня здравоохранения, образования и досуга. Не может оно не оценить и крупные культурные и спортивные объекты, которые возводятся при определяющем содействии китайцев.

В-третьих, инфраструктурные проекты пользуются благосклонностью местных правящих элит и мотивируют их отдавать предпочтение Пекину перед конкурентами, например, в сфере разработки и добычи сырьевых ресурсов. Немаловажным фактором в развитии контактов с политическими элитами может служить строительство административных зданий (резиденций высокопоставленных должностных лиц, зданий министерств, национальных парламентов, конгрессов и т.п.).

В-четвертых, реализация инфраструктурных проектов позволяет решать и некоторые важные социально-экономические задачи самого Китая. Предоставление Китаем низкопроцентных кредитов сопряжено с выполнением трех важнейших условий: осуществляющим их подрядчиком должна выступать исключительно китайская компания, в ходе реализации проектов подавляющее число рабочих должно быть гражданами КНР и, по меньшей мере, половина материалов и оборудования должна приобретаться в Китае. Таким образом, Китай обеспечивает занятость своего населения, позволяет китайским компаниям приобрести ценный опыт реализации масштабных инфраструктурных проектов за рубежом, облегчает проникновение китайских предприятий на международные рынки и стимулирует китайский экспорт в соответствующие страны.

В качестве ключевых принципов предоставления помощи Пекин декларирует отсутствие ее обусловленности выполнением странами-реципиентами каких-либо политических условий, а также невмешательство Китая во внутренние дела стран-реципиентов, уважение их прав на самостоятельный выбор путей и моделей развития²⁰. Однако пытаясь противопоставить себя странам Запада в вопросе предоставления помощи, не ожидая от стран-реципиентов демократических преобразований и становления системы надлежащего государственного управления, являющихся стандартными требованиями со стороны Запада, Пекин обуславливает предоставление помощи другими требованиями политического характера. Решения о ее предоставлении принимаются Китаем с учетом политики и действий стран-реципиентов в отношении таких «болезненных» для него проблем, как тайваньская, тибетская и уйгурская. Так, например, в 2006 г. в ответ на нежелание Вьетнама уступить просьбам Китая и исключить Тайвань из списка участников саммита АТЭС в Ханое, китайские власти временно приостановили помощь Вьетнаму²¹. И, напротив, после того, как в декабре 2009 г. камбоджийские власти депортировали обратно в Китай двадцать уйгуров, бежавших в Камбоджу после июльских столкновений на этнической почве в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, Пекин объявил о намерении инвестировать 1,2 млрд долл. в инфраструктуру Камбоджи²². К 2012 г. Пекин увеличил свои обязательства по предоставлению помощи Камбодже в виде грантов и льготного кредитования до 2,7 млрд долл., что, скорее всего, стало бонусом за принятие Пномпеном на правах председателя АСЕАН решения о блокировании на июльском саммите АСЕАН в 2012 г. совместного заявления, осуждающего действия китайской стороны в территориальных спорах в Южно-Китайском море²³.

Предоставление помощи и демонстрация экономических выгод, которые сулит развитие связей с КНР, оказались действенными методами по ограничению Пекином международного признания Тайваня, который рассматривается Китаем в качестве одной из своих провинций. С конца 1990-х гг. по 2008 г. целый ряд стран под воздействием китай-

ской «долларовой дипломатии» переключил свое дипломатическое признание с Тайваня на КНР²⁴: Багамы (1997), Науру (2002), Либерия (2003), Доминика (2004), Вануату (2004), Гренада (2005), Сенегал (2005), Чад (2006), Коста-Рика (2007) и Малави (2008). За разрыв дипломатических связей с Тайванем эти страны получили от Китая значительную помощь, а некоторые еще и специальные «поощрения» в виде строительства у них китайцами ряда спортивных объектов. И, напротив, переключение тихоокеанским государством Кирибати признания с КНР на Тайвань в 2003 г. привело к прекращению китайской помощи, демонтажу построенной там китайцами станции слежения за спутниками и прекращению строительства китайской стороной стадиона.

Таким образом, с начала XXI в. предоставление помощи прочно заняло важное место в китайском внешнеполитическом инструментарии. Пекин, как и ведущие западные страны, стал активно использовать ее в целях реализации национальных интересов и оказания влияния на страны-реципиенты по ключевым для Китая вопросам. При оказании Пекином помощи прослеживается четкая связь с выполнением странами-реципиентами определенного набора негласных правил: помощь становится поощрением, а ее отсутствие — наказанием.

Экономическое наказание и принуждение

В то время как основным инструментом экономической дипломатии современного Китая выступает поощрение, в дополнение к нему применяются и разнообразные по форме и содержанию методы наказания и принуждения, используемые преимущественно в тех случаях, когда ущерб наносится так называемым «коренным интересам» КНР. Под ними подразумеваются государственный суверенитет, национальная безопасность, территориальная целостность, единство страны, закрепленный в Конституции Китая политический строй, общественная стабильность и устойчивое социально-экономическое развитие²⁵. К этой группе интересов можно с уверенностью отнести тайваньскую, уйгурскую, тибетскую проблемы и весь комплекс территориальных противоречий Китая с его соседями (в особенности, с Японией в Восточно-Китайском море, некоторыми странами Юго-Восточной Азии в Южно-Китайском море, а также с Индией). Пренебрежение этими интересами со стороны других государств рассматривается как непосредственная угроза Китаю и вызывает ответную реакцию с использованием всех доступных Пекину методов устрашения и давления на них. С приходом Си Цзиньпина на высший государственный пост в китайском официальном лексиконе прочно закрепилось выражение «красная линия», означающее недопустимость попраки «коренных интересов» КНР. Действия, которые квалифицируются Пекином как вызов «коренным интересам» могут вызвать введение экономических санкций в отношении соответствующего государства.

Санкции вводятся Китаем исключительно в одностороннем порядке, без привлечения других членов мирового сообщества, путем применения административных мер по распоряжению высокопоставленных государственных лиц. Например, весной 2012 г. после того, как председатель Народного правительства Синьцзян-Уйгурского автономного района Нур Бекри обнародовал наличие тесных контактов между уйгурскими террористами и Пакистаном, было отозвано китайское предложение о финансировании газопровода Иран-Пакистан²⁶.

Таким образом, критика, содержащаяся в заявлениях высокопоставленных китайских чиновников, призвана служить косвенным, но вполне читаемым между строк предупреждением о возможности применения Китаем «карательных» мер. Открыто о намерении ввести санкции Пекин предпочитает не объявлять. Прямое указание в официальных заявлениях на возможность принятия мер наказания является скорее исключением, нежели правилом. Это дает китайскому руководству большую гибкость в вопросе

оказания экономического принуждения, возможность без «потери лица» отменять уже введенные санкции даже в случаях, когда меры принуждения не возымели должного эффекта. Весьма показателен в этой связи эпизод начала 2010 г., когда в ответ на планы США продать Тайваню крупную партию вооружений Пекин открыто пригрозил пойти на беспрецедентный шаг, наложив санкции на американские компании, принимающие участие в поставках вооружений на Тайвань. Несмотря на то, что США проигнорировали угрозы Пекина, санкции в отношении американского ВПК так и не были введены, что, безусловно, выставило китайское руководство не в лучшем свете.

Применение Пекином экономического принуждения мотивировано целым рядом обстоятельств. Во-первых, желанием сигнализировать свое недовольство по конкретному вопросу с целью побудить определенное государство изменить его позицию или не совершать подобных действий впредь. Во-вторых, принуждение призвано являть назидательный пример для других стран, демонстрируя потенциальные негативные последствия от тех или иных действий, которые затрагивают «коренные интересы» Китая. В-третьих, принуждение имеет и внутривластный контекст как продиктованное необходимостью продемонстрировать готовность китайского руководства к решительным действиям в вопросах отстаивания национальных интересов в условиях нынешнего подъема национализма в Китае²⁷.

По форме китайские санкции могут включать заморозку запланированных или уже ведущихся китайскими компаниями крупномасштабных проектов в соответствующих государствах, временное прекращение оказания помощи, снижение инвестиционной активности, введение ограничений на импорт в Китай или экспорта из Китая отдельных видов продукции, приостановку торговых переговоров и обменов торговыми делегациями, приостановку или отказ от крупных государственных закупок в определенных странах и пр.

В экспертной литературе нередко фигурирует тезис о неэффективности санкций как метода давления на государства. Такая точка зрения представляется не совсем верной. В случаях, когда санкции имеют ограниченный, умеренный по времени и по секторальному охвату характер и не приводят к антагонизму конфликтующих сторон, они могут оказаться весьма действенными. Более того, они имеют назидательный характер, демонстрируя другим странам потенциальные неблагоприятные последствия совершения тех или иных действий. И в этой связи их результативность трудно отрицать.

Эффективность применения Пекином санкций может быть продемонстрирована на примере Норвегии, которая была подвергнута опале со стороны Китая после эпизода с награждением в 2010 г. Нобелевской премией мира китайского правозащитника Лю Сяобо, осужденного годом ранее судебными органами Китая к тюремному заключению за призывы к свержению государственной власти. Пекин, в частности, приостановил переговоры о создании зоны свободной торговли, заинтересованность в успешном завершении которых в Осло была весьма высока. Под предлогом ужесточения ветеринарных мер Китаем были введены ограничения на ввоз норвежского лосося, что нанесло ощутимый урон интересам норвежских экспортеров, рассчитывавших на расширение своего присутствия на быстро растущем китайском рынке лососевых. Объемы импорта норвежского лосося сократились в 2011 г. на 60%, а к 2013 г. Норвегия, на которую в 2010 г. приходилось 92% импортируемых Китаем лососевых, утратила свои монопольные позиции, разделив рынок с Великобританией и Фарерскими островами.

К 2013 г. усилиями норвежской стороны спад в отношениях с Китаем в целом был преодолен. В качестве жеста доброй воли Норвегия в 2013 г. поддержала предоставление Китаю статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете. Усвоив урок из ситуации вокруг Нобелевской премии, норвежское правительство весной 2014 г. ответило отказом на запрос далай-ламы о личной встрече с премьер-министром Норвегии, поскольку уже осознавало вероятную реакцию Пекина. Например, в 2008 г. намерение пре-

зидента Франции Н. Саркози (2007—2012 гг.) встретиться с далай-ламой стоило французской стороне срыва переговоров о приобретении Китаем 150 самолетов производства концерна «Airbus». А встреча премьер-министра Великобритании Д. Камерона с тибетским духовным лидером в мае 2012 г. стала причиной 14-месячной «заморозки» политических контактов с Пекином.

В последние пять лет Пекин стал весьма активно применять экономическое принуждение в отношении стран, с которыми у Китая есть серьезные территориальные противоречия. Так, в 2009 г. он попытался заблокировать займ, который Азиатский банк развития намеревался выделить Индии. По утверждению Китая, часть этого займа (60 млн из 2,9 млрд долл.) предназначалась на осуществление ирригационных проектов в индийском штате Аруначал-Прадеш, принадлежность части территории которого оспаривает Пекин. Однако Китаю удалось добиться только отсрочки решения о выделении займа, но не его блокирования, поскольку в поддержку Индии проголосовали США, Япония и Южная Корея.

Экономическое давление со стороны Пекина в полной мере испытывает на себе Япония, территориальные споры с которой в Восточно-Китайском море вспыхнули с возросшей силой в 2010 г. После произошедшего 7 сентября 2010 г. столкновения японского и китайского судов близ спорных островов Дяюйдао (Сэнкаку) Пекин прекратил экспорт редкоземельных элементов в Японию. Через месяц ограничения на экспорт таких элементов были введены и в отношении близких партнеров Японии — США и Европы. Поскольку на Китай приходится до 36% мировых запасов редкоземельных элементов и 97% их мирового экспорта²⁸, он мог рассчитывать на использование своей монополии в данной сфере в качестве серьезного рычага давления.

Старт новому витку санкций в отношении Японии был дан в сентябре 2012 г., когда Токио заявил о принятом решении выкупить у японских частных владельцев три из пяти спорных островов Сэнкаку, что привело к серьезнейшему затяжному кризису в китайско-японских отношениях. С первых дней развития кризиса активную роль в оказании экономического давления на японскую сторону играло китайское население, приступившее к погромам офисов японских компаний и ресторанов в Китае, бойкоту японских товаров. Как следствие, в КНР резко сократились продажи японских автомобилей (от 35 до 63%), комплектующих к ним, электроники и др.²⁹. Некоторые японские предприятия, такие как “Toyota”, “Sony”, “Canon” и “Panasonic”, вынуждены были временно приостановить свое производство в Китае. Японские авиакомпании и в целом туриндустрия Японии несли значительные потери ввиду драматического сокращения потока китайских туристов, общая численность которых в докризисный период составляла порядка 20% от всех иностранных туристов в Японии. Китайским туристическим компаниям было рекомендовано отменить все туры в Японию в период с 1 по 7 октября, на который приходится ежегодный пик китайского выездного туризма. На государственном уровне были ужесточены таможенные проверки импортируемых из Японии товаров, предпринимались задержки в одобрении рабочих виз японцам и пр. Общий кумулятивный эффект на японскую экономику в результате санкций был существенным, хотя меры принуждения применялись ограниченное время.

В целом, эффект от применения Пекином экономических санкций в определяющей степени зависит от размера экономики страны-объекта санкций и степени ее экономической зависимости от Китая. Страны, чей экономический потенциал значительно уступает китайскому и чья зависимость от китайской помощи, капиталовложений, развития торговли с Китаем велика, будут в большей степени подвержены экономическому давлению и соответственно политическому влиянию Пекина. В этой связи на современном этапе Пекин прилагает комплексные усилия по расширению своего экономического присутствия в странах и регионах мира, по усилению их экономической зависимости от Китая.

Экономическая дипломатия Китая в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море

Экономической дипломатии отводится значительное место в планах Пекина по реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском море, где Китай оспаривает принадлежность островов Спратли (китайское название островов — Наньша) и Парасельских (китайское название — Сиша), а также практически 80% всей акватории. Наряду с Китаем сторонами длящихся уже не одно десятилетие споров о принадлежности Парасельских островов выступают Вьетнам и Тайвань, а островов Спратли — Вьетнам, Тайвань, Филиппины, Малайзия и Бруней³⁰.

Серьезные изменения в поведении Пекина в вопросах территориальных споров в Южно-Китайском море стали проявляться с 2007–2008 гг., когда Китай, осознав свои существенно укрепившиеся возможности по проецированию силы и влияния, стал проявлять возросшую напористость. Продолжавшаяся на протяжении предшествующего десятилетия (1997–2007 гг.) китайская политика добрососедства, опоры на «мягкие» методы наращивания влияния в Юго-Восточной Азии, сдержанности в утверждении своих прав на спорные территории, в 2007–2008 гг. сменилась напористым внешнеполитическим курсом, характеризующимся интенсификацией усилий по реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском море. При этом мероприятия Пекина не ограничивались демонстративными демаршами и принятием особых административных мер, наподобие обнародования планов развития туризма на спорных Парасельских островах, создания новой административной единицы — уездного города Сانشа с территориальной юрисдикцией над тремя архипелагами (Парасельским, Спратли и отмель МакКлесфилд) или выпуска новых китайских паспортов с изображением карты, на которой спорные острова обозначены как территория Китая, но и включали расширение масштаба китайского военного присутствия в Южно-Китайском море.

В целях оказания давления на страны, оспаривающие спорные острова, Китай, чье экономическое присутствие в Юго-Восточной Азии уже достигло значительных масштабов, стал прибегать и к методам экономического принуждения или наказания. Наиболее примечательным в этой связи можно считать эпизод, произошедший весной 2012 г., когда препятствование со стороны филиппинских военных кораблей навигации китайских рыболовецких судов близ острова Хуаньянь привело к месячному противостоянию военных судов Китая и Филиппин в данной акватории. Пекин, выдвинувший требование вывода филиппинских военных кораблей из спорной акватории, в целях оказания давления на Манилу ужесточил контроль над импортом фруктов из Филиппин, а также призвал китайских туристов воздержаться от поездок на Филиппины³¹. Поскольку существенная часть доходов Филиппин поступает от продажи фруктов и туристической индустрии, а крупным потребителем этих сфер является Китай, данные меры могли принести серьезный экономический урон Филиппинам.

Аналогичный алгоритм действий наблюдался летом 2014 г., когда на фоне китайско-вьетнамского противостояния с мая по середину июля, вызванного размещением Китаем нефтяной платформы в спорных территориях Южно-Китайского моря, Пекином были введены ограничения на ввоз некоторых вьетнамских фруктов (например, бананов и питахайи). Эти меры означали значительные потери для вьетнамского сельскохозяйственного сектора, так как доля Китая в экспорте фруктов и овощей Вьетнама составляла около 35%. По оценкам Вьетнамского центра изучения экономической политики, ограничение масштабов китайско-вьетнамской торговли вследствие обострения территориальных противоречий было способно привести к снижению годовых темпов экономического роста Вьетнама в 2014 г. до 4,15–4,88% (в 2013 г. они составляли 5,42%)³².

Применение экономического принуждения, тем не менее, пока используется Пекином в ограниченном масштабе. Центральную роль в укреплении своих позиций в террито-

риальных спорах на современном этапе он отводит созданию сильной экономической зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая и мерам экономического поощрения.

На фоне углублявшихся противоречий в территориальных спорах новое китайское руководство Си Цзиньпина с 2013 г. предприняло серию мер, направленных на возобновление добрососедских отношений, расширение своего влияния и восстановление имиджа в Юго-Восточной Азии. В течение 2013 г. Пекин, руководствуясь целью гармонизации отношений с соседями, интенсифицировал свою дипломатическую активность, усилил экономическую дипломатию и предложил странам региона ряд крупных привлечательных проектов.

В октябре 2013 г. в ходе встреч с лидерами АТЭС и Восточноазиатского саммита китайская сторона выдвинула ряд важных инициатив в области торговли и инфраструктурного развития региона. Си Цзиньпин предложил создать Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, а также обозначил намерение увеличить товарооборот с АСЕАН с тогдашнего уровня в 400 млрд долл. до 1 трлн долл. к 2020 г.³³ Беспрецедентными стали выступления Си Цзиньпина перед парламентами Таиланда и Индонезии, в ходе которых Пекин презентовал стратегическую концепцию «Сообщества общей судьбы Китай-АСЕАН» и проект создания «Морского шелкового пути XXI в.», предусматривающий строительство портов и развитие морского сообщения Китая со странами Юго-Восточной Азии и Индийского океана. В мае 2014 г. Пекин предложил создать экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма посредством строительства объектов транспортной инфраструктуры, расширения инвестиций, товарооборота и гуманитарного сотрудничества.

Таким образом, с 2013 г. Пекин предпринимает комплексные целенаправленные усилия по расширению своего дипломатического и экономического присутствия в Юго-Восточной Азии: увеличилась частота визитов китайских высокопоставленных представителей в страны региона, в ходе которых Пекин обещал увеличение масштабов торговли и инвестиций, предлагал заключение новых контрактов и реализацию крупномасштабных проектов при определяющей роли китайского финансирования. В Пекине разрабатываются и совершенствуются схемы усиления связей между Китаем и АСЕАН и углубления зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая.

Важно при этом отметить то, что Китай не снижает свою напористость в реализации территориальных притязаний в Южно-Китайском море. Отличительной чертой современной внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии стало совмещение двух подходов к развитию отношений с соседними странами: вовлечение их в широкомасштабное экономическое сотрудничество при одновременном усилении давления на них в территориальных спорах. Конечной целью такого двойственного подхода Пекина является создание сильной, устойчивой и всепроникающей зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая, при которой им будет крайне невыгодно занимать конфронтационную линию поведения в территориальных спорах с Пекином.

* * *

Таким образом, экономическая дипломатия находит широкое применение во внешнеполитической деятельности Китая в XXI в. Являясь более предпочтительной по сравнению с применением военной силы, она позволяет реализовывать национальные интересы КНР в относительно неконфронтационной манере, что особенно важно ввиду получивших широкое распространение в мире представлений о «китайской угрозе». Этим же объясняется упор в экономической дипломатии на методы поощрения или вознаграждения. К экономическому принуждению Китай прибегает сравнительно редко, поскольку такая линия поведения приводит зачастую к ухудшению его международного имиджа, а также к желанию стран-объектов принуждения снизить экономическую и иную зависимость от КНР. В этой связи, можно предположить, что до тех пор, пока Пе-

кин не аккумулирует комплексную национальную мощь, значительно превосходящую другие страны мира, и не сплотит вокруг себя группу государств, на всестороннюю поддержку которых мог бы рассчитывать, практика экономического принуждения не будет иметь широкого применения. Длительное время она будет применяться ограниченно, исключительно в случаях, когда ущерб наносится «коренным интересам» Китая. Пока же Пекин будет продолжать наращивать свою финансово-экономическую мощь, расширять свое экономическое присутствие в различных странах и регионах мира, углублять свою роль в международной финансово-экономической системе, а также путем предоставления щедрой помощи, вложения инвестиций, осуществления крупных инфраструктурных проектов и посредством иных форм поощрения вовлекать страны мира в сети экономической зависимости от Китая.

1. China Statistical Yearbook 2013. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2013/indexeh.htm>; TradeStats Express. URL: <http://tse.export.gov/TSE/ChartDisplay.aspx>.
2. European Commission Trade. URL: <http://ec.europa.eu/trade/>
3. CIA World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2199rank.html>.
4. Стратегия «выход вовне» (цзоу чужой) была сформулирована еще во второй половине 1990-х гг. и официально закреплена в 2001 г. в 10-м пятилетнем плане. Она предполагала комплекс мер, направленных на стимулирование включения Китая в международное экономическое сотрудничество. В частности, эти меры включали государственную поддержку китайских компаний в вопросах инвестирования за рубежом, стимулирование инвестиций в приоритетные для Пекина отрасли, разработку соответствующей законодательной базы. Первые годы реализации этой стратегии не привели к значительному увеличению китайских инвестиций за рубежом. Однако взяв «низкий старт», ее эффективность стала проявляться с 2004–2005 гг., когда Народный банк Китая аккумулировал значительные резервы, и китайские государственные корпорации получили возможность осуществлять крупные инвестиционные проекты за рубежом.
5. 2010 нянь 1–12 юэ дагу юй тайвань маои, тоуцзы цинкуан [Торговля и инвестиции материка и Тайваня в январе-декабре 2010 г.]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/tongjiziliao/fuwzn/diaoca/201101/20110107368030.html>; 2013 нянь 1–12 юэ дагу юй тайвань маои, тоуцзы цинкуан [Торговля и инвестиции материка и Тайваня в январе-декабре 2013 г.]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/tongjiziliao/fuwzn/diaoca/201402/20140200481419.shtml>.
6. Chunghwa Telecom Opens Satellite to Falun Gong // The China Post. 21.06. 2011. URL: <https://www.chinapost.com.tw/taiwan/national/national-news/2011/06/21/307009/Chunghwa-Telecom.htm>.
7. «Чжунго юй фэйчжоу дэ цзинмао хэцзо» байпишу [Белая книга «Китайско-африканское торгово-экономическое сотрудничество»]. 2010. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/wjbps/2010/201101/t847812.htm>.
8. Там же.
9. China's efforts to lower tariffs since WTO accession // Beijing Review. 5.12.2011. URL: http://www.bjreview.com.cn/Cover_Stories_Series_2011/2011–12/05/content_409942.htm.
10. Начата новая эра в сотрудничестве Китая и островных государств Тихого океана — эксперты // Жэньминь жибао. 24.11.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1124/c95181–8813226.html>.
11. White paper «China's Foreign Aid (2014)». July 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014–07/10/c_133474011_5.htm.
12. ASEAN trade by selected partner country/region, 2013. URL: http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ExternalTradeStatistics/Aug/table19_asof24Jul14.pdf; ASEAN Stats. URL: <http://aseanstats.asean.org/>
13. *Портяков В.Я.* К вопросу о комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / Под ред. *Е.И. Сафроновой.* М., 2014. С. 11.

14. *Лексютина Я.В.* Китай в БРИКС: мотивация участия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 4. С. 83–86.
15. White paper «China's Foreign Aid». April 2011. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/wz/201104/t896900.htm>.
16. *Naohiro Kitano, Yukinori Harada*. Estimating China's Foreign Aid 2001–2013. Japan, 2014. P. 17.
17. Ibid., p. 16.
18. White paper «China's Foreign Aid (2014)». Op. cit.
19. Ibid.
20. Ibid.
21. *Lum Th*. Comparing global influence: China's and U.S. diplomacy, foreign aid, trade, and investment in the developing world, 15.08.2008. P. 86. URL: www.fas.org/sgp/crs/row/RL34620.pdf.
22. Beijing's moneyed advance on Southeast Asia // *CBCNews*. 8.03.2010. URL: <http://www.cbc.ca/news/world/story/2010/03/05/f-china-economic-muscle.html>.
23. *Reilly J.* China's economic statecraft: turning wealth into power. Sidney, 2013. P. 2.
24. Следует отметить, что с момента налаживания контактов Пекина с Тайбэем и достижения между ними в 2008 г. негласной договоренности о «дипломатическом перемирии», состоящем в отказе от «долларовой дипломатии» и соперничества за дипломатическое признание, Китай снизил свою активность в обретении новых дипломатических партнеров. По некоторым данным, в 2008 г. Пекин даже отклонил инициативы установления официальных связей, выдвинутые Панамой, Парагваем и Гватемалой (*Wang T.Y., Lee Wei-Chin, Yu Ching-Hsin*. Taiwan's Expansion of International Space: Opportunities and Challenges // *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 20, Is. 69. P. 259.). Это, однако, не привело к существенному снижению объемов предоставляемой Пекином помощи странам, не являющимся его дипломатическими партнерами.
25. «Чжунго дэ хэпин фачжань» байпишу [Белая книга «Мирное развитие Китая»]. 2011. URL: <http://www.scio.gov.cn/zxbd/wz/201109/t999798.htm>.
26. *Reilly J.* Op. cit., p. 8.
27. *Бергер Я.* Национализм и внешняя политика КНР // РСМД. 29.12.2014. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5020#top.
28. Китайские редкоземельные ресурсы «накормят западные желудки»? // *Жэньминь жибао*. 02.08.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7457561.html>.
29. *Гордеева И.* Территориальный спор из-за островов Сэнкаку (Дяоюйдао) // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 1. С. 45.
30. *Лексютина Я.В.* Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // *Проблемы Дальнего Востока*. 2011. № 5. С. 30–31.
31. Все китайские тургруппы, находящиеся на Филиппинах, покинут данную страну к 16 мая // *Жэньминь жибао*. 14.05.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7815567.html>.
32. China restricts dragon fruit imports. 12.06.2014. URL: <http://www.fruitnet.com/asiafruit/article/161785/china-restricts-dragon-fruit-imports>.
33. *Phuong Nguyen*. China's Charm Offensive Signals a New Strategic Era in Southeast Asia. 17.10.2013. URL: <http://csis.org/publication/chinas-charm-offensive-signals-new-strategic-era-southeast-asia>.